

№ 5, май 2018 года

КРАЙ СМОЛЕНСКИЙ

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ
Издается с октября 1990 г.

www.kraismol.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка редактора

ШОРИН Ю. Старое и новое 2

Памятная дата

СЕРЫЙ А. Из истории архивной службы 3

Смоленск и Речь Посполитая

НИКОЛАЕВ Н. Вяземская «Новогрудская»
чудотворная икона и ее судьба 6

Родословная

МУРОМЦЕВА М. Смоленские Муромцевы 12

ПОПОВСКАЯ Г. Исторические фотографии Опочининых 19

Личность и эпоха

ДЬЯЧЕНКО С. Бессоновские буренки
в дипломатии Российской империи 25

ВОЙДЕНОВА Е. Мятежная духом.
История жизни Н.Н. Друцкой-Соколинской 35

Первая мировая война

ЗАБЕЛИН П. Начальный период Первой мировой войны
в отражении художественной литературы
(по материалам книги А.И. Солженицына «Август 14-го») 38

Изыскания

Творческая деятельность певца-гуслиря,
фольклориста С.П. Колосова 43

Путевые очерки

НОВИКОВА С. Россия и Смоленск в 1918 году
глазами немецких дипломатов и журналистов 50

Воспоминания

КОМЕНДАНТОВ А. Батищево. Что помню и понимаю 54

Великая Отечественная

ГАЙДУКОВ К. Смоленский белорус полковник Агностиков 57

Выставки

МИХАЙЛОВА О. У бескорыстия есть имена 59

ISSN 0868-7242

ОГБУ «Редакция научно-популярного журнала «Край Смоленский»

Учредитель:

Областное государственное бюджетное учреждение «Редакция научно-популярного журнала „Край Смоленский”»

СМИ зарегистрировано в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Смоленской области ПИ №ТУ67-00285 от 20.07.2017 г.

Подписной индекс: 73815

Редакционная коллегия:

Юрий Николаевич Шорин,
главный редактор;
Леонид Леонидович Степченков,
заместитель главного редактора

Адрес издателя и редакции:

214000, г. Смоленск,
ул. Октябрьской Революции,
14-а, ком. 301.
E-mail: kraismol@mail.ru

Отпечатано в ООО «ТР-принт»
127137, г. Москва, ул. Правды,
д. 24, стр. 5. Тел.: (495) 585-08-95.
Сайт: www.tirazhy.ru

Печать офсетная.
Усл. печ. лист 7,5
Заказ №1377 Тираж 300 экз.
Подписано в печать 25 мая 2018 г.

Цена свободная

Иллюстрации на обложке:

1-я стр. Н.Н. Лаврова
и С.П. Колосов. 1917 г. Из фондов
Смоленского государственного
музея-заповедника

© «Край Смоленский», 2018 г.

ТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕВЦА-ГУСЛЯРА, ФОЛЬКЛОРИСТА С.П. КОЛОСОВА

По страницам региональных периодических изданий 1915-1918 гг.

Сергей Павлович Колосов (дата рождения не установлена, с. Катынь-Покровское Смоленского у. Смоленской губ. – IV.1919, дер. Заборье Рославльского у. Смоленской губ.), певец-гуслиар, собиратель и пропагандист русского фольклора, музыкально-общественный деятель. Он выступал с докладами и концертами в Смоленске, Вологде, Петрограде и др. городах. Сотрудничал с Академией наук, Русским географическим обществом, оркестром народных инструментов им. В.В. Андреева. Был награжден орденом Св. Станислава 2-й ст. и малой серебряной медалью Русского географического общества. Записывал народные песни Смоленской, Костромской и др. губерний, проявил глубокий интерес к фольклору других народов. Княгиня М.К. Тенишева пригласила Колосова во Фленовскую школу, где он обучал детей. В Талашкине он познакомился с Н.К. Рерихом, был дружен с костромским художником Е.В. Честняковым, композитором и дирижером И.Ф. Стравинским. Неподражаемая игра Колосова про-

извела на И.Ф. Стравинского огромное впечатление, он писал об этом в своих воспоминаниях и даже не раз имитировал ее в своих сочинениях.

Влияние С.П. Колосова на культурную жизнь Смоленщины и России довольно велико. В фондах Смоленского государственного музея-заповедника хранится колосовская тетрадь нотных записей народных песен, частично опубликованная (см.: «Среди пламени стою, песнь плачевную пою»: из смоленского фольклора / предисловие Дмитрия Покровского; подготовка текстов и пояснения Ольги Юкечевой // Новый мир. 1995. №4). Мы же представляем вниманию читателей подборку документов из региональных периодических изданий 1915-1918 гг., позволяющую расширить представление о творчестве Сергея Павловича Колосова.

Отдельные публикации пронумерованы латинскими цифрами. Орфография и пунктуация дается в соответствии с современными нормами русского языка. Сокращения раскрываются в квадратных скобках.

I.

Нам сообщают, что на днях последовало разрешение на устройство гуслиаром-артистом г. Колосовым с участием артистки Петроградских театров Н.Н. Лавровой целого ряда народно-популярных концертов по селам и деревням тех уездов нашей губернии, где г[оспо]жа Лаврова и г. Колосов решили весной и летом этого года собирать и записывать нужный им при гуслях песенный материал (древние дух[овные] стихи, сказания, обрядн[ые] и бытовые песни и т.д.). Сельские свои концерты артисты предполагают давать совершенно безвозмездно – за харч и телегу в пути. Предприятие никем не субсидируется и рассчитано всецело на отзывчивость общественных учреждений, задумывающихся, несмотря на тяжелое военное время, над вопросом о предоставлении народным массам по закрытии кабаков разумных развлечений. Программа концертов в селах составлена таким образом: краткое сообщение, в популярной форме, по истории древнерусского песнотворчества (роль гуслей, потеснённых не-

мецкой гармошкой), игра на гусях и исполнение под аккомпанемент их старинных дух[овных] стихов (про св. Ягория и т.п.) и народных песен, мелодекламация под звон гуслей (стих[отворений] А. Толстого, Фофанова и др.) и русская пляска.

За время своего пребывания в г. Ельне г.г. Колосов и Лаврова успели уже сделать несколько интересных записей при посещении ими тамошних могильников (в день радоницы), прослушав сохранившиеся в народе мелодии «плача» и «причитаний». Местные слепцы-мирники и сельские певицы дали собирателям образцы «дух[овных] стихов» («О страшном суде», «Песни против пьяницы» и т.д.), стихов поминальных и заздравных (за солдат сражающихся), оригинальную «волшебную» песню и др. Рядом с этим собиратели приобрели несколько предметов по части этнографии края.

Дальнейший маршрут концертов собирателей – г. Поречье и его уезд.

Источник: В поисках старинных песен // Смоленский вестник. 1915. №117, 3 мая. С. 2.

II.

В северной части Поречского уезда, в том его углу, где сходятся границы трех губерний: Смоленской, Витебской и Псковской, где леса чередуются с озерами, занимают огромные пространства и куда – к слову сказать – раньше чем доедешь – «горб сломишь» (верст 100 от Поречья), среди народных масс крепко держится и до наших дней вера в силу и чары «лешего». Аборигены, впрочем, серьёзно уверены в том, что только мимоезжий шалопаи или отпетый невежда осмелится «его», лешего, называть лешим.

– Ён этого не любит. Это там, у вас, где лесов умаленье, вольница пошла и «его» лешим прозывают, – говорила мне местная старушка-крестьянка, боязливо озираясь по сторонам. – У нас «ен» прозывается «честный лес». С ним не шути, милый человек, а то заманит к себе – и клямка. Все едино заманивает и человека, и скотину. За грубое слово никому не уважить, потому силу в своем владении, в лесу-то, имеет над каждым сущим... Уж на что оторва – народ вот эти самые

теперешние наши гармонисты, то с фабрик да с шахтов сюда к нам матерщину приносят всякую, да похабщину распевают под музыку, а и те, когда лесом идут, то смиряются, словно воды в рот наберут. Конечно, от дедов-прадедов мы, грешные, получили «слова» и «действия», чтобы умилоствить «честного леса». Но только это дано не каждому, а тебе, милчеловек, этого «слова» не узнать от меня, не услышать... Разве на одре смертном передам, а так и знать не знаю, и ведать не ведаю. Ежели «слово» это кому поведать и «действие» показать, то остаться без силы и «ень» не послушает больше...

«Честный лес», по описанию «бывалых людей», наподобие помянутой выше собеседницы, по внешнему виду имеет образ старого человека: борода и голова сивые, поступь хотя и уверенная, но степенная, вперевалочку. Держится «ен» прямо, речь ведет с «рассуждением» и ласково, но сдержанно. Одежка обыкновенная – рубаха, лычком пропоясанная, да портки синетканые, лапти новые, портянки чистые, оборы шнурком. Появляется и босо. Без шапки, волосенки ветром «вздумает». Жительство имеет «в горницах», где убранство «обыкновенное», да только травами сушеными пахнет и шишек еловых кругом множество. В горницах ни единой живой души, только кузнечики исподволь застрекочут. Обхождение с «гостями» ласковое.

Таков «честный лес» по описанию крестьянки дер. Севастьянова (Погост) Псковской губ[ернии], Венецкой вол[ости] Марфы Николаевны, по мужу Пентеевой, 32 лет от роду, имевшей случай погостить целых 8 дней у «честного леса» и рассказывающей об этом так:

– Было это лет больше десяти тому назад. Еще девицей была. Служила тогда на фольварке в работницах у арендатора. Хороший был человек, но работы задавал не по силам: день-деньской по хозяйству, а с вечера в ночное. Измаялась я в мочалину. Иду однажды с сохой по полю и думаю: вот, ежели бы «честный лес» – батюшка взмилостивился, да взял бы к себе погостить на время! Ведь, говорят, иных водит... Только это я подумала,

а «ен» шасть из лесу да прямо ко мне на пашню.

– Пойдём, – говорит, – девочка, ко мне.

Я было упираться да отнекиваться, а «ен» и говорит:

– Эх, девонька, не ломайся. Тяжко тебе, знаю, пойдём со мною, отдохнёшь.

Говорит так настойчиво, хоша ласково. Ну и пошла. Коня с сохой так на поле и бросила. За руку меня взял и повел. А рядом на другой полосе поодаль латыш пахал. Видел – после сказал – как я в лес пошла, да только «честного» ему разглядеть не суждено было. Долго ли, коротко ли шли – до его горницы дошли. В пути о разном говорили, все больше про моё житье-бытье горемычное вспоминали. Утешал меня. Предсказал скорый конец нудной жизни, назвал суженого, да и о свадьбе предстоящей поведал. Все после и сбилось-свершилось, как по писанному. Назвала я «его» было дедушкой, а «ен» и говорит «Какой я тебе дедушка? Называй меня отцом». Горницы свои показывал, много водил. Есть мне захотелось. Белых булочек мне надавал, целую пуху ими набила. Затем «ен» честь честью вывел меня из леса к полю. Подходил и опять, да скоро вернулся в лес, и я «его» с той поры больше не видела, а меня люди нашли на лесной окраине. Сколько лет с того времени прошло, замуж после вскоре вышла, деток имею, а все помню, как словно я вчера у «его» в гостях была, – закончила свой рассказ Марфа Николаевна.

Почтенная и интеллигентная семья, указавшая мне на Марфу Николаевну, дала возможность узнать и все подробности, сопровождавшие этот диковинный визит человека к «честному лесу». Марфа Николаевна производит впечатление природы вообще несколько экзальтированной. Часто прихварывает, хотя на вид пользуется цветущим здоровьем. Повествует толково и без утрировки. В побывку свою у «честного» верит непреложно.

Из всего рассказанного «гостью» фактически верно одно: она под влиянием ли переутомления, или экстаза, или в бреду недуга действительно в один прекрасный день, оставив полевые работы, ушла, жестикулируя,

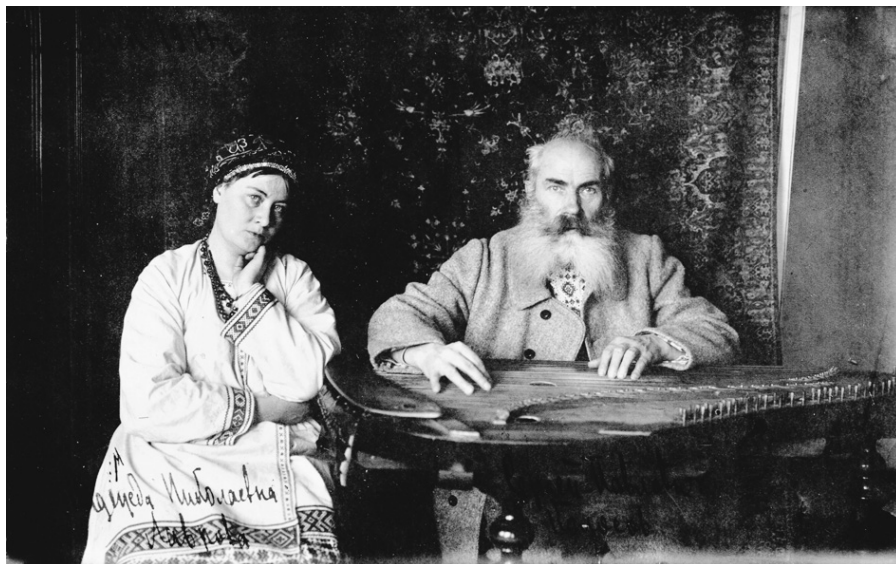
в леса. Это видел издали работавший неподалеку пахарь. С тех пор о Марфе целых 8 дней не было ни слуху, ни духу, несмотря на поднятую тревогу и поиски, организованные окрестным населением. Нечего и говорить, что на ноги была поднята не только полиция, но и все местные «бывалые люди» с их нашептываниями и «действиями». Марфа как в воду канула. И только на 8-й день Марфа, после блуждания по лесу, оказалась лежащей в беспомощности в прилеске, около Воскресенских полей, но не тех полей, где она оставила коня и соху, а верст, примерно, на 40 западнее. Какие лесные пространства и топи пришлось исходить за это время Марфе – трудно и представить себе. Интересно, что на пути своем она кроме мелких рек и озер с болотами неминуемо должна была переправиться чрез две значительные реки (Межа и Теплянка), чтобы достичь пункта, где ее нашли люди.

– Как, – спрашиваю, – Вы, Николаевна, перебрались с «честным лесом» через эти реки? Ведь их в брод не перемахнешь...

– Никаких рек не видела, не помню о них, – ответила Марфа. – Но плавала смолodu хорошо. Даже однажды на заклад (пари) два раза реку переплывала, не отдохавши, и чуть не утонула...

Марфу нашли в прилеске в полусознательном состоянии, с повышенной до 40 град[усов] температурой. За пазухой у неё оказалось много древесных наростов-грибов (булки «честного леса»). После того девушка пролежала в беспомощности, борясь между жизнью и смертью, около 5 недель. Добрые люди выписали к больной Марфе доктора. Она поправилась и вскоре потом вышла замуж. Теперь это примерная семьянка в своем селе.

Другая «бывалая» женщина описываемых лесистых мест, Агриппина Павловна Павлова, из дворовых (с. Воскресенск, имение г. фон-Вейдих), лет 65 от роду, замечательная в своё время во всей той лесной округе певица и хороводная заводила, напевая вполголоса мне для записи свои дивные песни молодости, рассказала:

Н.Н. Лаврова и С.П. Колосов. 1917 г.
Из фондов Смоленского государственного музея-заповедника

– «Честный лес» заманивает к себе не только людей, но и скотину. В прошлом году еще нашего телка «ен» сутки водил. Разгневался, значит. Все люди телка видели, гоняются за ним, а он вместо дома всё в лес да в лес норовит. Потому сила «ейная» не позволяет. Что ж делать – нашептала я «что следует», да хлебца снесла «ему», ну – телок, значит, к дому и вышел из лесу, словно его кто от веревки отвязал...

Ко всем просьбам сообщить текст «заговоров», умиляющих «честный лес», Агриппина Павловна, конечно, осталась глуха. Но не умолчала об одном: когда с «наговоренным» хлебом идут в лес «к месту», то не следует ни смеяться, ни громко разговаривать. Швырнувши же «куда следует» приношение, надо отступить из лесу, не оглядываясь по сторонам. Иначе «может приключиться такое... и не выговоришь...»

Тщательный поиск песенного материала, имеющего то или иное отношение к культуре «честного леса», не дал желаемых результатов: песни, посвященные «честному лесу», уже исчезли совершенно из памяти народной. Очевидно, что забравшаяся и в глухие поречские леса частушка успела сделать свое дело... Трудно думать, что «честному лесу» песен не слалось, по мнению моему, не имеет под собой твердой почвы после того, как «ен» занял в представлении темного лесного обывателя такое почетное

место. Хотя, с другой стороны, трудно не верить тем старухам-певицам, которые меня единогласно заверяли:

– Ен и гуку всякого, и песен не одобряет. Величальных песен «честному лесу» не помним и таких не слышали, кроме тех, что при завивании и развивании венков певались. Да только теперь молодые про венки забыли: под гармошку вместо «настоящих» песен деревенских всякую похабщину распевают...

Словом, вопрос о песне, сложенной в честь «честного леса», остается открытым. К сожалению, о ней я ничего не нашел и [в] тех книжках, которые оказались у меня под рукой во время экспедиции в Поречское полесье («Нравы и обычаи, народные праздники, местные поверья и предрассудки» – М. Цебрикова¹, «Сельскохозяйственная статистика» Соловьева² и др.).

«Честный лес» за последнее время начинает чувствовать себя сильно потесненным в Поречском полесье, и надо полагать, ему придется скоро переносить свои «горницы» куда-нибудь в другое место. С одной стороны лес нещадно рубится, с другой – в бывшие еще недавно владения «честного леса» врезаются народные учителя и учительницы. И думается, что уже недалеко время, когда моей доброй старушке Агриппине Павловне из с. Воскресенска придется расстаться с практикою «нашептывания» таинст-

венных слов для умилоствления «честного леса», а недавняя гостья «его» – Марфа Николаевна – своих дочерей пошлет в гости не к «честному лесу», а к учительнице...

Источник: Г. Колосов³. В гостях у «честного леса» (лешаго) (По этнографии Поречского полесья) // Смоленский вестник. 1915. №162, 18 июня. С. 4.

III.

Раньше, чем отправиться в путешествие по Поречскому уезду, чтобы там поискать старой песни, да заодно уже показать древние гусли, пришлось кое с кем побеседовать о том, как в данный момент обстоят вообще дела в сельском быту уезда и как там могут люди отнестись к моим гуслим ввиду военного времени.

– У нас как везде сейчас в деревне, – ответил мне один жизнерадостный интеллигент из Поречья. – Конечно, наша поречская деревня поглуже других, особенно в т.н. Щучейском крае – верстах этак в 80 от уездного города, среди лесов, болот и озер. Но в общем и там, как везде, почти поголовная тьма, да зародившееся за последние годы с легкой руки целовальников-гармонистов озорство. Подточенная многовековым кабаком, деревня наша только теперь, по закрытии винной торговли да с преумножением ужасов войны, встряхивается, словно человек после долгого сна. Войне, конечно, уделяется главное место. Из-за войны даже заправские сельские вздыхатели о кабаке попритихли. И Вас, заезжих людей, где только не заподозрят в Вас «переодетых германцев», нещадно будут везде опрашивать о том, что слышно новенького! «Оттудова», из действующей армии. По мнению моему, ввиду интересной миссии, с которой Вы едете к нам в глушь, где еще ноги не было артиста, Вам будут повсюду рады, особенно если Вы сумеете – в чем не сомневаюсь – настроить свои старые гусли и песню поближе к темам переживаемого родиною момента...

– В бытовом обиходе нашей поречской деревни, – сказал мне другой поречанин, земец, – появился неожиданно усиленный вопрос на школу. Это оч[ень] характерно для нашего времени. Все приходящие в села чрез мое

посредство письма из действующей армии содержат, за малым исключением, приписку о необходимости посылки детей в школы. И как ни странно, но военное время, отвлекшее из деревни рабочую силу, вовсе не оправдало ожиданий о сокращении числа учащихся в народных училищах. Напротив, именно в этот период времени тяжелой войны все наши школы оказались переполненными, а количество училищ стало явно недостаточным. Время-то теперь, – закончил земец, – хотя и неподходящее по экономическим соображениям, чтобы думать о расширении школьной сети в уезде, а к осени хочешь, не хочешь, придётся открыть несколько новых школьных пунктов, иначе все ранее открытые училища окажутся в тяжелом положении от неизбежного переполнения.

Уже позже пришлось выслушать голос знатоков поречской сельской жизни и по вопросу о народных домах.

– В народных домах в деревне ощущается острая нужда, – сказал мне видный общественный деятель уезда. – Начать с того, что отрезанный от кабака народ для заполнения своего досуга, за отсутствием различных развлечений, увлекается с диким азартом карточной игрою. Рядом растёт озорство в деревне. Укротить эти азарт и озорство мерами всяких полицейско-административных воздействий нельзя. Десяток картежников и озорников будут наказаны, а девяносто из них будут хихикать и зубоскалить над усилиями укротителей. Все эти хотя бы драконовские меры для борьбы со злом останутся, в лучшем случае, лишь «острасткою», но отнюдь не радикальным средством для весьма опасного недуга в деревне. Есть ещё люди, которые и по сей грозный в сущности день полагают, что укротить деревню народными домами, да и думать о разумных для нее развлечениях – ненужная, а то даже и вовсе вредная роскошь. Но это слепые люди с девизом: «после нас хоть потоп». Напрягайте всю силу на одоление страшного внешнего врага России, но ни на минуту не забывайте, что деревня, даже самая глухая, подтачивается гангреной в образе гогочущего хулигана и озорника,

а карты могут стать опаснее закрытого кабака. Надо помочь деревне, чтобы хотя новые ее поколения и победы не пошли за хулиганом-озорником. Пора подумать об оказании поддержки той деревне, которая еще сильна духом и стоит особняком от озорников со своими непоколебимым здравым смыслом и верою в лучшее будущее и которая давно твердит: «житья не стало в деревне, моченьки нет от своих же...» По поводу будущей организации разумных развлечений при народных домах могу сказать лишь одно: организуйте вы их там что и как хотите, но старайтесь обходиться, по возможности, своими любительскими силами, поддержите их, привлекайте к делу самих крестьян, но Боже вас сохрани из деревенских народных домов сделать «гастроли» для бритых актеров, оставшихся за флагом в больших городах. А на это, по видимому, уже надеются некоторые «драматические деятели». Что принесут с собой в деревню «артисты» подобного типа, догадаться не трудно. Большим же, серьезным присяжным артистическим силам не до деревни...

Вот приблизительно под аккомпанемент каких разговоров о поречской деревне я, гусяр, со своею товарищюю, в качестве поводырки, артисткою Н.Н. Лавровой, направился с гусями в Поречский уезд, где нам пришлось сделать около 400 верст на лошадах, с затратою на это целого месяца. Наш маршрут был составлен так: начав с угла Могилевской губернии, где она соприкасается с границею Иньковской вол[ости] Пореч[ского] уезда, мы продвинулись в с. Иньково, оттуда в дер. Кавширы, побывали в г. Поречье и в селах: Каспле, Мамошках, Заборье, Покровском, Слободе, Щучьи (через им[ение] Добрино – усадьба Н.О. Воейкова), Троицком и Воскресенском, оттуда повернули обратно на Поречье, достигнув таким образом с южного угла уезда крайнего его северного пункта в том месте, где сходится граница трех губерний: Витебской, Псковской и Смоленской.

По пути нами дано было по селам и деревням свыше 30 концертов – все, конечно, бесплатно. Общее впечатление о них у нас осталось самое при-

ятное. В большинстве случаев наши слушатели и слушательницы делали самые похвальные отзывы по адресу наших гуслей. В нескольких местах (Иньково, Черняны и др.) чувствовался сильный подъём в аудитории во время концерта. В наш путевой журнал вносились мнения самые разнообразные со стороны всех слоев деревенского люда, перебивавшего на наших концертах, причем попутно нам с полною откровенностью указывалось, чего деревня ждет от заезжих артистов, что ей больше нравится в песне гусярной и т.д. Записи в нашем журнале – это дорогой материал для выяснения вопроса о том, с чем и как в будущем, при организации песенно-хорового или сольного исполнения на сцене народ[ных] домов надо идти артисту в деревню. В данный момент деревня – по понятным основаниям – с симпатиями относилась к исполнению духовных стихов, стараясь найти в них успокоение взволнованному чувству ввиду тяжёлой войны и невознагражденных утрат... При исполнении, напри[мер], орагии стиха «О Св. Ягории Хоробром», или сказании странников «О плакун-траве» с упоминанием «о слезах пречистых Богородицы» наши аудитории обыкновенно пригорюнивались, бабы всплакивали. Нередко после этих стихов раздавались из публики чьи-нибудь слова:

– Пойте еще такое, утешьте, роденькие...

Собственно «игрищные» №№ нашего гусярного репертуара оказывались по душе молодежи. Пожилые люди находили этого рода наши песни лишь «правильными», но «не во благовремении».

– Вот эта песня правильная, надлежащая, – говорили обыкновенно нам бабы и мужчины, что постарше возрастом. – Теперь у нас такие по деревня песни пошли – срамота лишь...

Понравилась в деревне и мелодекламация моей товарки под гусли как показательный материал тех удивительных моментов красивого древнерусского песнотворчества, когда под звон гуслей не только пели, но «старички и сказывали-рассказывали».

Надо заметить, сельская публика вообще – очень строгий судья. Это мы

Вид на 2-ю часть г. Поречье. Почтовая карточка начала XX в.

впервые подметили, еще концертируя по городам в лазаретах. И нечего скрывать – мы, люди уже попривыкшие к сцене больших городов, старались сильно «подтянуться», сидя на лавках при концерте где-то в простой избе крестьянской в дер. Холм около Заборья. Наименьшим критическим художественным чутьем в деревне владеет – как и следовало ожидать – гармонист, специалист в частушке и той «срамоте», которыми, к сожалению, наводняется наша деревня. Коренное же, устойчивое сельское население, припоминающее традиции прежней, «до гармониста», деревенской песни оч[ень] легко и верно разбирается в преподносимом ему песенном материале, и эту часть сельских аудиторий приезжему артисту «штучками» не захватить, на пустячках не выехать.

Сельская интеллигенция относилась к нам и к нашим концертам благожелательно, и только в весьма редких случаях нам приходилось наблюдать, чтобы более развитые элементы деревни сторонились нашего дела. Хихикал и злословил больше всего местный хулиган-гармонист, почуявший в появлении в деревне гуслей и старинной песни укол его излюбленной частушке, пересыпанной «срамотой». Задетый за живое нашими гуслеми, песнями и репликами по поводу «новой» песни, хулиганствующий элемент не прочь был поточить свое кабацкое остроумие и над моею старостью, и над молодостью моей

товарки, и над нашей программой, и над нашими сапогами, словом, над всем, что в нас, пришлых людях хулигану нравилось – не нравилось...

– Они у нас «карактерные», чуть что не по ихнему – сейчас по матери обложит или песню под гармошку «с срамотой» на тебя обретут, – говорил нам один заправский крестьянин о своих деревенских «мальцах-гультьях».

Был случай, когда одна местная помещица крепко уверяла нас в том, что «местное крестьянское население столь еще дико и не развито, что не в состоянии понимать культурных развлечений наподобие народных концертов, спектаклей и т.д.».

Но все это, собственно говоря, не более как единственные случаи в нашем путешествии, являющиеся «ложкой дегтя» в выполнении предпринятого нами дела. Было бы печально, если бы эти случаи убавили в ком-нибудь из нас энергии в исполнении своего долга пред деревню. Правда обязывает засвидетельствовать, что все поместное дворянство, земцы и др. общественные деятели уезда – доктора, учителя, агрономы, техники, старшины, писаря – всюду и всегда в пути нашем не только оказывали нам самое широкое содействие в осуществлении нашей задачи, но являли иногда трогательное (другого слова не подобрать) участие к нам, как проезжим людям.

Опуская описание виденных нами в пути чарующих красот озерно-лес-

ного огромного пространства уезда и интересных встреч в пути, пронось лишь мысленно благодарным воспоминанием по купам старых лип и кленов, осеняющих места по линии Схоляново – Поречье – Кавширы – Заборье – Слобода – Бахово – Чижики – Добрино – Высочерть – Воскресенск, не смею воздержаться хоть от простого перечня наиболее выпуклых черт и моментов в обстановке наших концертов.

Самыми многолюдными концертами у нас вышли концерты: в [селах] Инькове, Каспле и Мамашках и г. Поречье (третий – в город[ском] саду, в пользу жертв войны). Массы народа, прибывшие на концерты в этих пунктах, не могли вместиться ни в одном здании, и поэтому пришлось, скрепя сердцем, говорить, играть и петь под открытым небом, что, может быть, оч[ень] живописно извне, но сопровождено с огромной затратой сил со стороны концертантов, а главное – на этом теряют и слушатели, оказавшиеся дальше от эстрады.

В Кавширах мы успели из учащейся молодёжи создать около гуслей маленький хорик, с которым и дали два концерта. Пробовали нам подпевать под гусли девушки и в с. Каспля.

В Инькове, Кавширах, Черняних Каспле, Заборье, Троицком и в Слободе вышли большие, хорошо и умело обставленные концерты в местных школах.

Из гостеприимного Добрина в Щучье пришлось... проплыть несколько верст с гуслеми и багажом на лодке по знаменитому Щучейскому озеру. В самом Щучье концерт был в здании тамошнего приюта для детей обоего пола (ведомства императрицы Марии). В Воскресенске народ на концерт собрался в залах дома предводителя дворянства, местного помещика.

Особенною интимностью и задушевностью отличались концерты в д. Холм, куда нас звали крестьянки деревни, в дер. Чижанках, куда нас пригласил один интеллигентный крестьянин, в с. Покровском, где нам пришлось играть и петь в разрушающемся историческом концертном зале старого Потемкинского дворца, составляющего ныне собственность г.г. Менчинковых.

Прекрасно был подготовлен и поставлен концерт в Поречском городском училище для учащихся, но нас, концертантов, постигла здесь неудача: во время концерта моя переутомленная товарка почувствовала себя дурно, и программу вечера пришлось скомкать.

В пути слышали и видели многое, всего не опишешь. Но нельзя умолчать о том, что нужда в поречской деревне в народных домах и разумных развлечениях для народа огромная. И для моей настоящей заметки лучшим заключением будет уверенность в том, что те несколько любительских организаций, которые сейчас работают на любительской сцене в самом Поречье и селах уезда (Каспля), делают – сами того, быть может, не замечая – большое дело. Нет сомнения, что они послужат ядром, из которого позже, по открытии народных домов в уезде, созреют силы народные широкого развития сельской сценической деятельности. Мы же, мимоезжие гуслиеры, со своими сельскими концертами в уезде, в сущности, должны быть расцениваемы не более, как случайный эпизод в жизни местных артистических кружков, подготавливающих к выполнению этой крупной исторической задачи в народных массах.

P.S. Сделанные нами приобретения, в виде записей старинного песенного материала, настолько капитальны, что описание их потребует отдельной статьи в специальном издании.

Источник: Колосов С. С гуслиями по Поречскому уезду // Смоленский вестник. 1915. №206, 1 августа. С. 2; №210, 5 августа. С. 4.

IV.

20-го декабря в 8 ч. вечера в зале губернской земской управы состоится открытое собрание общества [изучения Смоленской губернии], на котором будут сделаны следующие доклады: 1) В.Н. Добровольский. Памяти В.В. Домбровского. 2) С.П. Колосов. Народные песни Смоленской губернии.

Доклад С.П. Колосова будет сопровождаться музыкальной иллюстрацией на гуслиях при участии Н.Н. Лавровой.

Подробную программу доклада С.П. Колосова можно будет приоб-

реть в день собрания при входе в зал.

Источник: Общество изучения Смоленской губернии // Смоленский вестник. 1915. №338, 12 декабря. С. 3.

V.

Сегодня в 8 часов вечера в зале губернской земской управы исследователем народной музыки С.П. Колосовым будет сделан доклад о смоленской народной песне. Доклад будет сопровождаться исполнением народных песен под аккомпанемент гуслей, при участии артистки Н.Н. Лавровой.

Источник: Доклад С.П. Колосова // Смоленский вестник. 1915. №346, 20 декабря. С. 2.

VI.

В воскресенье 20 декабря с.г. в зале губернской земской управы, под председательством А.М. Тухачевского, состоялось общее собрание членов общества изучения Смол[енской] губернии. Товарищ председателя общества В.Н. Белькович ознакомил собрание с краткими сведениями о жизни и ученой деятельности двух умерших почетных членов общества – П.С. Коссовича и В.В. Домбровского.

По предложению председателя А.М. Тухачевского, собрание почтительно память почивших П.С. Коссовича и В.В. Домбровского вставанием. Затем был прочитан доклад С.П. Колосова – «Народные песни Смоленской губернии». Докладчик познакомил собравшихся с историей народной песни и с историей гусли на Руси, о которых упоминается ещё в «Слове о полку Игореве», в былинах и др. древних памятниках, поведал о былом утеснении гуслиеров и гонении на них. Познакомил также докладчик собрание со своим странствованием по глухим местам губернии с гуслиями. Доклад С.П. Колосова был покрыт шумными аплодисментами довольно многочисленного собрания.

После небольшого перерыва С.П. Колосов (гуслиер) с участием Н.Н. Лавровой исполнили несколько песен и причитаний «под звон гуслиерный».

Все номера пения песен под гусли С.П. Колосов и Н.Н. Лавровой были покрываемы продолжительными аплодисментами присутствующих, и

кроме программы исполнено было несколько еще народных песен. От имени собрания председатель благодарил С.П. Колосова и Н.Н. Лаврову за их труды в ознакомлении с народной песней.

Источник: В обществе изучения Смоленской губернии // Смоленский вестник. 1915. №348, 22 декабря. С. 2.

VII.

Нам сообщают, что сделавший 20-го декабря [1915 г.] в Обществе изучения Смоленской губернии доклад о народной песне гуслиер-певец С.П. Колосов вместе с сопровождающей его Н.Н. Лавровой был принят в сочельник министром народного просвещения гр[афом] Игнатъевым. Г[осподин] министр отнёсся с большим интересом к трудам нашего земляка-гуслиера и г[оспо]жи Лавровой по сборанию ими песенного материала в Смоленской губ. и устройству популярных бесед по селам и деревням.

Источник: Разные известия // Смоленский вестник. 1916. №3, 4 января. С. 2.

VIII.

Министерство народн[ого] просвещения выдало разрешение известному смоленскому гуслиеру, собирателю народных песен в Смолен[ской] губ[ернии] – С.П. Колосову и артистке Н.Н. Лавровой на беспрепятственный доступ во все учебные заведения названного министерства для популярных бесед по истории древнерусского гуслиерства в связи с историей отечественного песнетворчества и для исполнения под гусли собираемых вышеупомянутыми лицами на местах духовных стихов, обрядовых и бытовых песен, плачей и т.п.

Источник: Разные известия // Смоленский вестник. 1916. №26, 28 января. С. 2.

IX.

Смоленский этнограф-гуслиер С.П. Колосов и его сотрудница артистка Н.Н. Лаврова за труды свои в деле собирания песенных материалов и уклад их в рамки звона гуслиерного высочайше пожалованы из кабинета е[го] и императорского в[еличества] подарками с изображением госу-

д[арственного] герба. Гуслиры имели счастье иллюстрировать собранные ими в смоленском Приднепровье и Поречском у[езде] материалы в высочайшем присутствии в одном из лазаретов для раненых воинов.

Нам сообщают, что на акт окончания занятий заседавшего в Петрограде совещания начальников средней школы приглашен был этнограф-гуслир С.П. Колосов, исполнивший под гусли, оборудованные по мысли гр[афа] П.Н. Игнатъева для школ Петрограда, несколько дух[овных] стихов и песен Смоленской губ[ернии].

Источник: Награды // Смоленский вестник. 1916. №162, 22 июня. С. 2.

Х.

На днях известные смоленской публике этнографы-гуслиры С.П. Колосов и Н.Н. Лаврова читали свои доклады с иллюстрацией под гусли собранного ими песенного материала в Москве. По прочтении такого доклада в Московском археологическом институте имени императора Николая II совет института, высоко ценя заслуги докладчиков в деле изучения русского народного песенного творчества, единогласно избрал С.П. Колосова, Н.Н. Лаврову в члены-сотрудники института.

Источник: В археологическом институте // Смоленский вестник. 1916. №343, 29 декабря. С. 3.

XI.

6-го декабря [1917 г.] в помещении губернской земской управы была устроена лекция-концерт при участии руководителей Заборьевской народной школы С.П. Колосова и Н.Н. Лавровой и их учениц «под звон старых гуслей».

О концерте, по-видимому, мало кто знал, и публики было немного. Я случайно попал на этот концерт и хотел бы поделиться пережитыми впечатлениями и высказать пожелание, чтобы концерт этот был как можно скорее вновь повторен.

В самом тяжёлом настроении шёл я на этот вечер. Растерзанная на части, опозоренная, погибающая Россия, голод и анархия в стране, возможный срыв Учредительного собрания – всё

это не выходило у меня из головы. И вдруг «народные песни под звон старых гуслей»... Я решил идти и послушать.

На простых подмостках пели настоящие деревенские девушки в своих русских костюмах, в лаптях, в беленьких онучах и т.д. Руководил хором и сопровождал его на гусли старик С.П. Колосов, по своей наружности, по одежде напоминающий Л.Н. Толстого.

Концерт был начат «Марсельезой». Это была дань политическому моменту. Русские девушки исполняли французскую «Марсельезу» и, нужно сознаться, исполнили ее по-своему. Видно было, что это не их амплуа.

После «Марсельезы» С.П. Колосов сказал несколько слов о песнях «посиделковых» и предложил вниманию публики одну из таких песен.

«Ты, крапивушка земная моя, земная кучерявая», – раздавалась настоящая русская песня.

Родимым простором повеяло от этой песни. Родная русская душа заговорила с нами красивыми, мягкими звуками. Грустная мелодия захватила всю немногочисленную аудиторию. А песня лилась. Рисовались дорогие картины далекого прошлого. «Гонит милый табунок лошадей, и все коники вороненькие». «Наперед идет буланый конь, буйну голову повесивши». Так рассказывает в песне молодая девушка, тоскующая о своем милом. Когда это было? Кто создал эту красивую грустную мелодию? Кто знает! Не наша эпоха, не современная обстановка. Все слишком просто, наивно, но всё так мило, так дорого для всякого русского человека.

Дальше были исполнены стихи «Про Ягория Хороброго» и «Великое поминовение». Напевы «Нищенской братии» были представлены перед нами во всей своей художественной красоте. Глубокая детская вера русского вылилась здесь грустными трогательными напевами с речитативом.

Но не только грусть, тоска звучит в русских народных песнях, в них отражается и беззаветное веселье. «Было у тещеньки семеро зятьков» весело поёт хор. Песня слишком простая по сюжету, грубая по выражениям, а сколько в ней жизни, сколько

веселья. «Мертвый рассмеется», как говорит народ.

Все присутствующие смеялись от души, как, может быть, уже давно не смеялись.

А когда хор исполнил песню «Про Катюшу», у которой было «три дочушеньки, да все Катерюшеньки», то восторгу слушателей не было предела. Песня «Про Катюшу» названа: «песня игрищная, с действием и пляскою».

Девушки исполнительницы доказали в этой песне, что они могут не только красиво петь, но и красиво играть, изображая все то, о чем говорится в песне.

Конечное впечатление от концерта было самое отрадное. Многие из публики обращались к руководителям с просьбой ещё раз приехать в Смоленск. Одобренный и успокоенный возвращался я с концерта. Жива ещё русская песня, стало быть, жива и великая народная душа. Прошли минуты отчаяния и хотелось верить, что пройдёт этот кошмар и «проснется народ могучий, великий, свободный».

Будем же беречь и поддерживать родную народную песню, зеркало народной души.

Источник: С.И.А. Родные песни // Кооперативное слово, издание Союза кооперативов Смоленского района. 1918. №7, 3 января. С. 5.

*Публикацию подготовил
ведущий специалист
Государственного архива
Смоленской области
Леонид Степченков*

Примечания

1. Речь идёт о книге «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Смоленская губерния. Составил генерального штаба штабс-капитан М. Цебриков» (СПб., 1862. – VIII, 404 с., 3 л. таблиц), одна из глав которой носит название «Нравы и обычаи, народные праздники, местные поверья и предрассудки». С. 258-316.

2. Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии. Составленная Яковом Соловьевым, начальником бывшего Смоленского отряда управления государственных крестьян в денежных сборах, на основании сведений, собранных сим отрядом; издана иждивением Ученого комитета Министрства государственного имущества. М.: тип. А. Семена, 1855. – 486, X с., [2] л. карт.

3. Г. Колосов – господин С.П. Колосов.